

***

Там, где падает снег, паровозы идут по воде...

Б.П.

Поезда в Поронайске идут по холодной воде,
Проводник поднимает глаза к синеватой звезде,
Машет ручкой составу зимой, а весной поёт,
На любой остановке написано прописью: «Nord».
Твой двойник до сих пор засыпает в зелёном купе:
Сновиденье цветёт и архангел сидит на гербе
Незнакомомого места, и курит чертовский табак,
И мальчишка стоит, точно некий из прошлого знак.
Поронайский состав до Парнаса дотянет навряд:
Отгадать парадиз стало трудно, а выглянуть в ад —
Много проще, чем жизнь чешуёй зарифмованной скрыть,
И архангел вверху продолжает в затяжку курить.
Остановка. Вагон проводник открывает. Душа
Вышла в мятом своём и куда-то идёт не спеша
По воде ли, по суше... Ты выпустил слово. Ты сам
Что-то плёл о таком полуночниках и поездах.
Смотрит ангел-очкарик-двойник-одиночка на юг,
Нет в печурке огня, тот, что бился, отбился от рук...
Паровоз постоит и, заправившись сказкой морской,
Станет слушать опять, как тоскует твой голос живой.

***

«Нет, весь я не умру...» В заветной мандолине
Останется души какой-то слабый вздох.
Фантомный визави в фасонистом цилиндре
В 12:35 включает монолог,
Который молча я поддерживаю, ибо
Сказать вполне бы мог подобное, когда
Кошмарное плывёт в пределах манускрипта...
На стуле ночь сидит в подсветке колдовства.

И замираю я. Виденье замирает.
И лучше смерть, что вне трактовок и т. д.
Да, лучше бред химер, в который вырастает
Планида, что стоит, как сторож в темноте:
Качает торрент свой из разных файлов неба,
Чтоб автору стиха нарисовать финал
И что-то там ещё в иллюзионе Феба —
Субстанцию души, входящую в астрал?..
Нет, весь я не умру, когда идёт кругами
И плющит жизнь двора Октябрь – Мальчиш-Плохиш,
И выдыхает тьму, и мокрыми губами
Ещё живой листве приказывает: «кыш»,
И накрывает дождь, как алфавит писаку-
Мараку, что сказал, да что он может ска...
Оракул? Идиот, камлающий бумагу?
«Умрёшь, тогда поймёшь», — вышёптывает мгла...

***

В пятом, шестом ли, десятом, двенадцатом сне
Старый знакомый советовал: не выходи
Ни за стихами, что тупо сгорают в огне,
Ни за огнями из грустных сердец. Погляди,
Как их костёр оплетает, полена в огонь
Серый привратник гадеса бросает смеясь,
А за окном беспризорный ребёнок ладонь
Тянет за чудом, в котором, как в сказке, пропасть
Можно не в шутку, когда он и сам Муми-троль —
Маленький зверь, потерявшийся в трудных местах.
Ветер вдыхает кошмар, выдыхает бемоль,
А на поверку выходит иголкой в мозгах.
Маленький троль... Где-то слышится выстрел: бабáх!
Где твоя мама? И сам я без мамы давно.
Так мы и смотрим в неясных до боли мирах
Белый арт-хаус: в снежинках и мраке кино.
Тут и сказать бы: о чём эта лента, о чём?
Выйти из дома, ребёнка от стужи спасти,
Вывести вьюгу метёлкой, разжиться огнём,
Призраков ночи смахнуть до последней звезды.

***

Человек, считающий несчастья
Не по пальцам, а — по облакам,
Говорит дворовой кошке: «Баста,
Больше не хожу по докторам.
Двери Фрейда: морок подсознания
Я закрыл и — потерял ключи,
Оставляю сумеркам посланья,
Вырываюсь камнем из пращи...
Снег во мне напал за неделю,
Сердце скрыл, во мне белым-бело.
Эскулапам ни на грош не верю,
Вот куда по жизни занесло.
Снег во мне слепил больную маму,
Я её давно похоронил...
Я не стану вам про «мыла раму»,
Не было у мамы больше сил.
Скоро мне сыграют сына Польши,
По мозгам валторнами пройдут...»
Человек напутал: трубы больше
Горлом Фридерика не поют.
Человек меняется... Всю зиму
Прилипает к полночи сюжет:
Тянет мама руки-плети к сыну,
Тушит, и опять включает свет.

***

Настроенье у местного автора — заросли мглы,
Он рассеянно смотрит на выходки бабьего лета,
На лице его — «пофиг»... Заляпаны красным дворы,
К лазуриту небес прилепилась янтарная мета...
Вот и бродит один, облака оплетая в стихи,
Постаревшим кустам завещает дары писанины,
Зависая в тени, в депрессняк загружая мозги,
Там открытые файлы: задвижки, нюансы, картины,
И размытые сны, и бессмысленность тайн и забот,
Обернись — не узнаешь сестру, превратишься в дракона,
В дауншифтера, что отпускает свой маленький плот,
Забирается в хостел Европы, твердыш экономя.
Тут бы выручил нас старый кольт или, скажем, ружьё,
Что висит на стене, а точнее, когда-то висело...

Затуманенный взгляд. Вперемешку с листвою вороньё,
Дерева в золотом, в старом свитере мятое тело
Незабывшего мать (скоро восемь, как в землю её...),
Незабывшего, как ослепительны буквы в когорте
Налетающих рифм, я кому говорю, дурачьё?
... Фантомасы бабла прокатили в коричневом «Форде».

***

«...Вчера я жил и только позже умер», —
Он говорит, терзается во сне.
Ночь в чёрной форме, как бригаденфюрер,
Да в змейках света, да в плохой луне,
Которой он выбалтывает душу,
На полуслове обнимает ад
И падает, как ветвь сирени в лужу,
За всё, в чём был и не был виноват.
Воображает, что могло быть хуже,
Да разве может без неё дурней?
Когда миры, как сутинские туши,
Поджарены на медленном огне
Воображенья, будь оно неладно.
На бок перевернулся и вздохнул.
...Зелёную отраву муза жадно
Курила сбоку. Заливал абсурд
Его мозги, и призраки стояли,
Переминаясь на пустых ногах,
Как будто смерть от жизни охраняли,
Передавая по цепочке Страх...
Вчера ты спал, и был белее мела:
Размытый кадр, в сиреновом она,
Над нею вилась в нимбе подземелья
Смерть выходного солнечного дня.

МЫЗА

На закате осень мерцала красным,
Кучевые стих сочиняли белый,
Говорило облачко на прекрасном,
И чернели башенки цитадели,
О которой столько легенд не книжных,
Только скажешь «ведьма» в пределах башни —
И темнеет сразу тенями пришлых
Организмов мерзких, крутивших шашни

То ли с принцем, то ли с принцессой места,
Не слышал, за что её зарубили?
Не вдавайся в частности, ибо — бездна
Караулит тут. Не таких валили
Эти башни Аспида и Виверны.
В них давно никто не живёт. Бояться.
Слишком много крови и всякой скверны
То ли снились ранее, то ли снятся
Автономам, их — ну совсем немного,
Доживают жизнь, прислонившись к Богу
На старинной мызе (зовётся Влокко),
Старичьё, не склонное к диалогу...
С белладонной в колбе — везде Геката
(Мертвецы в могилах ей шлют сигналы),
Возникает в воздухе в масть распада:
Ритуалы, призраки с чашей Мары —
Напустила нечисть Старуха мрака,
Как руками машет крутой из кодлы!
На закате осени всё де-факто —
Натуральный мир и его повторы.
И над башней три возникают цифры,
И нетвёрдый смех различаю будто.
Вот пролаял чёрт: «Покупаю рифмы», —
Но даёт, собака, по курсу скудно.
Испариться бы, но мешает что-то...
Одуреешь от... Постарела мыза.
Да сверкают фиксы во рту урода,
На плече богини наколка — крыса.

ЗИМА И ЗВЕРИ (I)

*На аспида и василиска наступишь;
Попирать будешь льва и дракона.*

Псалом 90:13

Зима открыла шлюзы: полетели
Снежинки и вода сомкнулась в лёд.
По мановенью ока встали звери
Под индексом космических широт.
О двух башках вкатилась амфисбена:
Башка к башке и — катит колесом,
На пурпурных губах вскипает пена,
Взгляни в глаза, и — упадёшь лицом

В такую грязь, что не поможет вьюга
Стереть клеймо животнословных сил,
Почешет кожу дошлая гадюка
И кто кого в онлайн погубил
В попытке пережить глухую зиму? —
Не въедешь: амфиптерий виснет во
Дворе, в котором начищает схиму
Знакомый ворон, только и всего.
В кастальский мрак ныряешь, точно в Лету,
Толкнёшь случайно василиска, но —
Не заносись псалмом. В пандан сюжету
Не продвигать библейское кино
Таким, как ты, и — попирать дракона
И льва другие будут и т.д.
Племяш ассиды пишет: белладонна
Потрафит в зарифмованном труде.
...И где-то за летающими снами,
Где все мы в Рождестве, как в западне,
Мои друзья стоят под фонарями,
Сгорая в макабрическом огне.

ЗИМА И ЗВЕРИ (II)

*Василиск – чудовище с головой петуха, телом жабы,
хвостом змеи и птичьими крыльями; он убивает взглядом...
Любит тепло и сухость.*

Средневековый бестиарий

При свете дня взгляд василиска не
Опасен, если минус двадцать? В свете
Преображений не сгоришь в огне,
Играй себе, как тот старик, на флейте,
Пока с морозом помесь петуха
И толстой жабы — борется. И мимо
Бог декабря несёт в руках снега,
Как облегчённый заменитель миро.
И здешний ангел водит за собой
Больших детей, по-зимнему одетых,
И если где-то слышен волчий вой,
Скажи себе: ну что там дрейфить, нет их.
Есть только снег настолько белый, что
Он — словно голубой, он — словно синий.
Стоит декабрь в распахнутом пальто,
Вдыхая переменчивый и зимний...

Стоит и тот (хотя невидим мне),
Из комикса библейского, смотрящий
За тварями, что не горят в огне,
Включают ужас недалекой чащи.
Возможно, так. Заматывает снег
Заветом Ветхим: снег молчит о снеге.
Взгляд василиска — сумрак или блеск?
Его собрат, точней сестра, к аптеке
Приклеилась. И — падает на лёд
Какой-то человек. Сирена скорой.
Взгляд василиска... Чудище зевнёт
И не успеет защитить бесполой.

ЗИМА И ЗВЕРИ (III: ЛЕСНОЕ)

*...Если волк первым увидит человека, то человек
потеряет голос. Чтобы отпугнуть волка, нужно снять
одежду и бить камнем об камень.*

Средневековый bestiарий

...Кругом зима. И если первым волк
Увидит человека, сразу голос
У человека кончится: хоть в морг,
Хоть зарастай безмолвием, как полюс...
Итак — зима. Ты встретил волка. Волк
Взял на испуг, и ты поддался зверю...
Дремучий лес, как выросший Нью-Йорк,
Беседовал с предновогодней елью,
Пока ты взглядом раздвигал кусты,
Выискивая камень: камень нужен,
Чтоб о другой лупить до темноты,
Не замечая — до ногтей простужен.
Чтоб волка отпугнуть в такую мглу —
Разденься догола и выплунь трепет,
Припомни маму, может быть, сестру,
Страницы счастья и наивный лепет —
Неважно чей... Держись за облака
И нагишом стучи по камню камнем:
Исчезнет волк. Три вещей петуха
По-мастерски, приёмом стародавним,
Спугнут зоологическую тварь,
Ослабнет месяц красноватый, будто
Нагой старик, смотрящий, как дикарь,
В стеклянное — витрина дебрей — утро.

Тут заново бы Гоголя прочесть.
Текущий триптих выдохнут снегами
И полнолунием, как химера-весть...
И слишком поздно жаловаться маме.

***

Не спрашивай, откуда осень и
Блуждает кто по жёлто-лисьим листьям,
Дублирует холодные слои,
Читает жизнь по выдуманным письмам...
Вот дерево, что хочет улететь
За птицами в Габон и занзибары.
Слепилась осень — золотая смерть,
Всё шире открывают двери бары,
В них одиноких глаз не разглядеть,
Когда они клонятся над бокалом,
В котором «Баллантайнс» уже на треть...
И кто тогда не выглядит усталым?
Такое вот повторное кино.
А фосфор фонарей — намёк, собака,
Что вышла на болота заодно
С библиотекой сумерек и страха.
«Не подходи к болотам торфяным», —
И мне писал Джеймс Мортимер когда-то...
Теперь лишь космос, то есть аноним
Космический с записками формата
Не финиша. С насмешками в окне
О трёх башках Геката и собака,
В огромном фосфорическом огне
Горят-горят все знаки Зодиака.

***

В июле тридцать третьего числа,
Когда и сновиденья от тепла
Сбежали бы, но кто-то выше против,
Входило солнце с головою Ра,
От счастья задышалась детвора
И нищий пел (прекрасен и уродлив).

А вечером мрачнели облака,
Тянулась к жизни мальчика рука,
Что жил как будто никого на свете...
В том мире безотцовщины, где нить,
Едва родился, а уже не шить:
Глотай грозу, купай в ладонях ветер,

Когда ночами кубовый колдун
Выносит тело из таких лакун,
Что вспомнишь с длинным носом человека.
Сработает инстинкт: захлопнешь том,
Карпатский чёрт на молнии верхом...
...На простыне застиранной прореха.

Всё прочее виднеется едва,
Синеют травы, падает сова
Воображенья. На подушке метки
От зловидений остаются. Тьма —
Дотронешься, но не сойдёшь с ума
В зашторенной не ведьмаками клетке.

МОЛОКО НЕИЗВЕСТНОЙ СИЛЫ

«В октябре и демоны пьют глнтвейн», —
Повторял старик, точно это мантра,
Не сумевший выучить «Журавлей...»,
Улетевших в Африку. Саламандра
Одевает тёплое: шкуру-мех
Бестиарий-маркет подкинул твари,
Положи в огонь и — услышишь смех
Мастерской глубин, где плетут кошмары.

Прикоснись слегка — изо рта зверька
Молоко пойдёт неизвестной силы,
И твоё лицо, и твоя рука
Переменит цвет, как в кино вампиры.
Это цирк? Не цирк. Наливай в бокал,
Осуши огонь под оттенки света
Постаревшей лампы, и сам ты стар,
Ничего не слышишь помимо ветра...

В октябре и ангелы пьют вино,
Эликсир небес заливают в глотки.
Молодой старик, будто видит дно
Демонизма, а, перерывши шмотки,
Посреди находит очки: вот-вот —
И гляделки тоже деталь у Босха;
Помнишь триптих, где сатанинский крот?..
Что-то, видно, есть в закромах у мозга,

А вернее бы написать — в мозгах,
Спорадически не в ладах со словом...
Всё же осень — это ещё и страх:
Будь к приходу бабы с косою готовым.
Ржавый цвет луны. Рыжий цвет листвы.
Осень жизни и — сорок капель в рюмке.
За окном дома, словно бы мертвы
От покатых крыш до пастушьей сумки.

ЖЁЛТО-КИТАЙСКОЕ

Призрак осени спит беспробудно,
Ветер тянет туземную весть,
Облетает с кустов поминутно
Цвета сангрии нежная шерсть.
Прямо в море пикирует жёлтый,
Постаревший востоком дракон,
В лапах зверя живой или мёртвый?
В мертвецах я совсем не силён.
Пасть раскроет и щёлкнет клыками —
Желтоликих накроет лафа,
И проявится над головами
Белый заяц в сетях колдовства.
В ступе зайца бессмертия травы,
Чай Сун Ши, макадамия в пыль
Перемешаны соком агавы,
А над ним облаков монастырь.
...Прямо в море спикировал жёлтый,
Может, синий, как яйца дрозда,
Левый глаз, будто воском натёртый,
В правом ворон кричит: «Никогда!»
...Есть лекарство? Ну есть, но — стащила
Всё бессмертье воровка Чан Э,
В ней расширилась тёмная сила,
Мозг пылал в лазуритном огне.

Превратившись в небесную жабу,
В Лунной Башне прилась ко двору...
Призрак осени лунную лампу
Просит выдать бессмертье к утру.

ДАВНЕЕ. ОСТРОВНОЕ

...Баклан надрывается в крике тоски,
Трёх малых в долблёнке качают потёмки:
Расставили сети в местах рыбаки,
Всё море Охотское в лакомой сёмге.
Здесь тянутся абрисы тучных равнин
И спит визави колоритный Хоккайдо.
Здесь сопки вбивают в созвездия клин,
Луна закрутила неспешное сальто,
Лучом зацепившись за каменных баб,
С японских времён отдыхающих возле
Пернатых, сложивших воде дифирамб,
Бамбука, что слушает шумное море,
Всю азбуку Морзе, циклоны, шторма
И, видимо, потусторонние души...
В лучах маяка островистая тьма,
Вдоль неба расплылись астральные лужи.
Там крутится жёлтых людей колесо,
И тянется в воздухе что-то паучье...
Там с ложечки кормит Мацүо Басё
Луну, чтобы стало в блужданиях лучше.

ПАЛЪГО

Смотри: зима в личине декабря
Опять детей зацапала с утра
И одарила сахарною пудрой.
Вот так проснёшься, выглянешь в окно —
А жизнь прошла, иллюзии на дно
Легли, как то прославленное судно¹,

---

¹ Титаник

Где жизнь спадала с каждого лица,
И музыку играли до конца,
И альбатросу не хватало неба.
Так говорю, и — блазнится, что та
Костялая с косою из-за куста
На автора глядит совсем без гнева:

Скорей индифферентно в смене дней,
А жизнь светлей играющих детей,
И Снежной королеве что тут делать?
А если тролли в воздухе парят
И зеркало одушевляет ад —
Пошли на три ублюдочную челядь.

Всё как-то легче обмануть себя,
Когда в бокале градус декабря
И день уже как точка невозврата.
Заглянет демон — угощу его,
Не зря смешали это волшебство:
Для привкуса четыре капли яда,

Зато во сне проснёшься молодым,
Захваченный волнением чудным,
И что-то там покажется в природе,
И ты опять в летающем пальто
Идёшь к любви на праздник или до...
Чтоб выпить утро на волшебной ноте.

МЕСТНЫЙ

Вряд ли закончится эта зима в четверг,
Денег всё меньше. Опять снегопад с ума
Сходит по Фрейду. Какой бы привести пример? —
Думает местный. В сюжете снегов дома,
В окна заходит Аид в балахоне мглы.
Ну не Аид, но тогда почему черно? —
Думает здешний, глядя, как плывут дворы,
Чувствуя жабрами мрака какое дно?
Смотрит на всё Неизменный оттуда, где
Души в сосудах не вянут, равно цветы:
Духи гуляют с лейками на высоте,
Где дотянуться легко до любой звезды.

Кто говорит? Постоянный. Который взял
Местных немало, а этого как-то нет...
«Пусть поживёт ещё, Я его пеленал,
С маленькой лирой его выпускал на свет».

НЕИСЦЕЛИМЫЕ

*Курит В. Ходасевич,
Поплавский плывёт за буйками...*

Лепрозорий встаёт с петухами в колониях жарких.
Колокольчик с другим колокольчиком только на «ты».
Просыпается Лазарь Святой, чтоб кормить этих жалких,
Этих сильных: в глазах расцветают пустые цветы.

Забирают у девочки бедной здорового сына:
К островному посту Спиналонга¹ приплыл катерок.
В небе синего — пропасть, закатного много жасмина,
В бледно-розовом облаке прячется греческий бог.

Прокажённые смотрят на мир не твоими глазами,
Что им птицы метафор и ящеры метаморфоз?
Курит В. Ходасевич, Поплавский плывёт за буйками...
Ангел мятую розу на каменный берег принёс.

Прокажённые видят любовь не твоими глазами,
Что им праздник метафор, животные метаморфоз?
Курит В. Ходасевич, Поплавского метит стихами
Божий Дух или демон, кто больше в Борисе пророс?

Почему Б. Поплавский плывёт за буйками? Не знаю.
Да и сам Ходасевич какого хераскова тут?
Так и тянется адский стишок к виноградному раю,
Там грехи отпускают, и солнце к столу подают.

...Эксцентричный дурак всё расскажет, конечно, случайно,
Прокажённые спят: видят жизни другой оборот.
Докурил Ходасевич... На пасеке необычайной
Б. Поплавский в аду собирает поэзии мёд.

---

¹ Остров, на котором существовала больница для прокажённых.

ТИХАЯ БУХТА

...То с торбой, то с теорбой¹, то опять
Он с детской рифмой бродит по побережью:
Заносит солнце в местную тетрадь,
И отправляет ангелам депешу
На angel.ru? Пусть думает, что так.
А море, в цвет индиго, то бамбуку,
То яркой птичке посылает знак.
Порхает птичка, собираясь к югу,
Где Ялта всё по-чеховски молчит,
То шепчет на бутылочном Мисхору,
Мисхор русалке плачется навзрыд,
Али-Бабой притискиваясь к молу.
...В реальности — бамбук и севера,
Два корабля воткнули серьги-якорь,
Легко легла бамбуковая мгла,
Перешепнулся с волнами оракул,
Шаман-туземец закружил слова! —
Тут поживёшь и сам шаманом станешь,
Протянет листик конопля-трава,
И не в Коцит, скорей в безумье канешь.
...Ты видишь, в сочинителе растёт
Магический кристалл и лунный камень,
Нефритовый зверёк, янтарный кот,
А демон-кошка выдыхает пламень...
Всё остальное — финиш, эпилог.
Захочешь — нагадай, хоть на кофейной...
За выдумкой пойдёт хоть птичий бог,
Хоть муравьи тропинкой нелинейной.

ТУНИССКОЕ (ИЗ ОБНАРУЖЕННОГО ФАЙЛА)

С гранатовых деревьев я руками срывал плоды в медлительной стране,
Пил газировку жадными глотками в пустыне, разогретой на огне

Туземных джиннов, — не припомню верно. Вино легко тажином заедал.
Приятель здешний в качестве эксперта меня, как мог, неплохо развлекал,

Водил в музей Бардо, где от мозаик свихнуться можно — римские дела.
Крутился жизни африканский шарик. Я думал: ты кому-нибудь дала?

---

¹ Басовая разновидность лютни.

Пока я «прохлаждался» по пустыням, дразнил верблюдов, уплетал гранат,
Губами прикасался к сочным дыням, которые немного холодят.

Я жил в Тунисе. И столица тоже Тунисом называется. Аллах —
Аллахом. (Вот законный ёжик!) Мечеть. Верблюды. Люди на ослах...

По местному «бухло» несложно — «буха». Я выпивал под золотой орех,
Сплетался век воздушным замком юга, летал в кофейне непонятный смех...

И Сиди-Бу-Саид дарил подарки: дышал ребабом, развлекал гамбри,
И приставали бойкие гадалки. И к бухтам прижимались корабли.

И марабут звенел ключами рая, ссылая жизнь в мешочек для песка,
И солнце, над Сахарой умирая, огнём последним грело облака...

И с толстой мглою, с духами Востока — я стёр тебя под пение муллы,
Когда молчал под куполом пророка и уплывал в гашишные миры.